

РАЗДЕЛ 2. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 811.161.1'42:808.54
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55

ГРНТИ 16.21.27

Код ВАК 5.9.8

Любовь Викторовна Балашова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия, sarteorlingv@yandex.ru, SPIN-код: 8794-4333, <https://orcid.org/0000-0002-1129-7009>

Специфика реализации деструктивных метафор в речи министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова (2022–2024 гг.)

АННОТАЦИЯ. В работе дается комплексный анализ использования деструктивных метафор в речи министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова в 2022–2024 гг. Материал исследования — 75 единиц в 235 контекстах, извлеченных из 210 устных выступлений министра в 2022–2024 гг. Актуальность темы определяется недостаточной изученностью сложной организации и жанрового разнообразия дипломатического дискурса, соотношения институционального и личностного в речи официальных лиц министерства, а также особенностей реализации в ней языковых концептуальных метафор. Цель исследования — выявить семантико-когнитивную, pragматическую и функционально-дискурсивную специфику употребления деструктивных метафор в устных выступлениях С. В. Лаврова в 2022–2024 гг. При анализе применялись современные лингвистические, когнитивные и дискурсивные методики анализа текстового материала. Было установлено, что использование министром деструктивных метафор продуктивно, системно и функционально обусловлено. Их основная цель — акцентировать внимание на наиболее острых, опасных и потому негативно оцениваемых процессах в современных международных отношениях. В ситуативном аспекте данные переносы фиксируются почти исключительно при характеристике агрессивной и дестабилизирующей деятельности противников и оппонентов России (США и их союзников, Украина, отчасти Израиль) против РФ, других суверенных государств и международных институтов. Это обуславливает востребованность преимущественно дезинтегрирующей модели, а также преобладание ирреальной модальности при использовании акциональной модели. Обращает на себя внимание разнообразие метафорических единиц, среди которых представлены не только языковые образные, генетические, частичные переносы, но и речевые метафоры. Последние наиболее ярко отражают личностное негативное отношение С. В. Лаврова к процессам, направленным на ослабление РФ и дестабилизацию политической обстановки в мире.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, политические метафоры, языковые единицы, когнитивная лингвистика, деструктивные метафоры, российская дипломатия, министр иностранных дел, политическая риторика, политические речи, политические тексты, политические деятели, речевые жанры, речевая деятельность, коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики, языковая личность, лингвоперсонология, публичные выступления, концептуальные модели, дипломатический дискурс, С. В. Лавров.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Балашова Любовь Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского; 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83; email: sarteorlingv@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Балашова, Л. В. Специфика реализации деструктивных метафор в речи министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова (2022–2024 гг.) / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 69-77.

Lyubov' V. Balashova

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia, sarteorlingv@yandex.ru, SPIN code: 8794-4333, <https://orcid.org/0000-0002-1129-7009>

The Specificity of Realization of Destructive Metaphors in the Speech of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov (2022-2024)

ABSTRACT. The paper provides a complex analysis of the use of destructive metaphors in the speech of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation, Sergey Lavrov in 2022-2024. The research material consists of 75 items in 235 contexts extracted from 210 oral presentations by the Minister in 2022-2024. The urgency of the topic is determined by the insufficient study of the complex organization and genre diversity of diplomatic discourse, the relationship between institutional and personal aspects in the speech of ministry officials, and the specificity of the realization of linguistic conceptual metaphors in it. The aim of the study is to identify the semantic-cognitive, pragmatic and functional-discursive specificity of the use of destructive metaphors in Lavrov's oral speeches in 2022-2024. Modern linguistic, cognitive, and discursive methods of text analysis have been used in research. It has been found that the Minister's use of destructive metaphors is produc-

tively, systemically and functionally conditioned. Their main purpose is to focus on the most acute, dangerous, and therefore negatively evaluated processes in modern international relations. From a situational perspective, these transfers are recorded almost exclusively when characterizing the aggressive and destabilizing activities of Russia's opponents and enemies (the United States and its allies, Ukraine, and partly Israel) against the Russian Federation, other sovereign states, and international institutions. This determines the demand for a predominantly disintegrating model as well as the predominance of the surreal modality when using the actional model. Attention is drawn to the variety of metaphorical units, among which there are not only linguistic figurative, genetic, partial transfers, but also speech metaphors. The latter most vividly reflect Lavrov's personal negative attitude towards the processes aimed at weakening the Russian Federation and destabilizing the political situation in the world.

KEYWORDS: political discourse, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, political metaphors, linguistic units, cognitive linguistics, destructive metaphors, Russian diplomacy, minister of foreign affairs, political rhetoric, political speeches, political texts, politicians, speech genres, speech, communication strategies, communication tactics, linguistic personality, linguopersonology, public speeches, conceptual models, diplomatic discourse, S.V. Lavrov.

AUTHOR'S INFORMATION: Lyubov' Viktorovna Balashova, Doctor of Philology, Professor of Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Russia.

FOR CITATION: Balashova L. V. (2025). The Specificity of Realization of Destructive Metaphors in the Speech of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov (2022-2024). In *Political Linguistics*. No 2 (110), pp. 69–77. (In Russ.).

1. ВВЕДЕНИЕ

Данная статья является продолжением изучения специфики реализации языковых концептуальных метафор и их основных функций в речи министра иностранных дел России С. В. Лаврова в условиях резкого обострения международной обстановки и начала специальной военной операции (24.02.22) [Балашова 2022а, 2022б, 2023]. Объектом исследования стали переносы, формируемые на базе деструктивной лексики. Его актуальность обусловлена следующим. Сложная организация и жанровое разнообразие дипломатического дискурса вызывают дискуссии о месте этого коммуникативного феномена в дискурсивной системе, в политической коммуникации (в широком ее понимании [Чудинов 2006; 2012]), о соотношении институционального и личностного в дипломатических жанрах разного типа, а также об использовании в речи официальных лиц министерства образных языковых средств, в том числе концептуальных метафор [Ардаева 2018; Балашова, Дементьев 2022; Бударина 2019; Игнатьева 2023; Красакова 2024; Терентий 2010; Шейгал 2004]. Наконец, по мнению многих лингвистов, именно деструктивные метафоры оказываются продуктивными в политической коммуникации в кризисных условиях, в периоды усиления конфронтации между государствами и т. п. [Кириллова 2024; Ковязина 2024; Нечкина 2024].

Цель исследования — выявить семантико-когнитивную, pragmaticскую и функционально-дискурсивную специфику употребле-

ния деструктивных метафор в устных выступлениях С. В. Лаврова. Материалом для анализа послужили стенограммы 160 выступлений С. В. Лаврова, опубликованных в 2022–2024 гг. на официальном сайте mid.ru/ru/press-service/minister_speeches¹. Методологической базой стало восприятие метафоры как когнитивно-семантического феномена, одного из ведущих способов формирования и презентации языковой картины мира, в том числе политической. Использовались современные лингвистические, когнитивные и дискурсивные методики анализа текстового материала.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

2.1. Общая характеристика деструктивных моделей метафоризации в языке и речи С. В. Лаврова

Формирование переносов на базе лексики, характеризующей нарушение целостности объекта, достаточно продуктивно в русском языке, а также в современной речи различной дискурсивной направленности [Гизатуллин 2018; Хосьмукова 2016]. По нашим наблюдениям, к наиболее регулярными в языке относятся две бытийно-динамические деструктивные модели метафоризации — дезинтегрирующая и акциональная.

Ядерное положение среди них занимает **дезинтегрирующая** модель, «в которой деструкция воспринимается как аннигиляция какого-либо феномена или утрата структурных связей между феноменами» [Балашова, Кириллова 2024: 359] (ср.: *рушить*: ‘ломая, разрушая, валить на землю’ → (перен.) ‘уничтожать, приводить в полное расстрой-

¹ Из-за большого массива текста с заголовками всех использованных стенограмм выступлений С. В. Лаврова мы посчитали возможным не давать их полный список, а ограничиться при цитировании указанием на точную дату такого выступления.

ство'; *рвать*: 'резким движением разделять на части' → (перен.) 'прекращать действие каких-л. отношений или того, что связывает какими-л. отношениями'; *рваться*: 'разделяться на части' → (перен.) 'прекращаться (о связях, отношениях и т. п.)'; *рухнуть*: 'обвалиться с шумом, разрушаясь' → (перен.) 'престать существовать'; *провалиться*: 'рухнуть, обрушиться' → (перен., разг.) 'потерпеть полную неудачу'.

Акциональная модель, в основе которой лежит представление о проявлении, активизации чего-либо как об обретенной (за счет деструкции оболочки, ограждения, сдерживающих уз) свободе перемещаться в пространстве, занимает периферийное положение, поскольку обычно составляет часть более продуктивных пространственных метафор, прежде всего — бытийно-динамической модели [Балашова 2014; 2017] (ср.: *разорвать*: 'рывком разделить на части; разъединить соединенное' → (перен.) 'освободить от чего-л. ограничивающего свободу, от чего-л. тягостного, обременительного'; *прорваться*: 'разрушив своим напором какую-л. преграду, выйти наружу, устремиться куда-л.' → (перен.) 'внезапно и бурно обнаружиться, проявиться').

Аналогичную картину можно наблюдать в речи С. В. Лаврова. Из 75 деструктивных метафор, зафиксированных в 235 контекстах, переносы на базе **дезинтегрирующей** модели составляют абсолютное большинство: 67 лексем (89,3 %) в 218 контекстах (92,8 %), тогда как на долю **акциональной** модели приходится только 8 лексем (10,7 %) в 17 контекстах (7,2 %), причем каждая из них обладает определенной спецификой в формировании картины мира, отражающей точку зрения министра на ключевые проблемы отношений РФ с другими странами и международной обстановки в целом.

2.2. Дезинтегрирующая модель

2.2.1. Общая характеристика модели

Как показал анализ, использование ядерной дезинтегрирующей модели в речи С. В. Лаврова имеет ряд особенностей. В частности, министр прибегает к ней исключительно при характеристике негативно оцениваемых кризисных явлений современности и относительно недавнего прошлого: усиление социально-экономической, политической дестабилизации и конфронтации в мире (ср.: *Подробно рассказал о причинах нынешнего беспрецедентного роста напряженности в мировых делах, деструктивной линии США и их сателлитов в решении собственных узокорыстных проблем за счет интересов других стран.* 05.07.22; *Все*

шансы на мир [киевским режимом] последовательно разрушались. 07.11.24). Но данные концептуально-прагматические установки по-разному реализуются в трех языковых субмоделях — аннигиляционной, фрагментирующей и реляционной.

2.2.2. Аннигиляционная субмодель

Именно аннигиляционные переносы оказываются наиболее востребованными и разнообразными в речи С. В. Лаврова: 46 единиц (68,7 % дезинтегрирующих метафор) в 179 контекстах (82,1 %). Их концептуальную основу составляет представление о полном / частичном нарушении целостности (из-за внешнего воздействия или непрочности) конструктивно единого, монолитного объекта как о полном уничтожении, прекращении функционирования социально-экономического, политического, идеологического и т. п. феномена. Если же в результате аннигиляции объекта сохраняются его сегменты, то «они не способны функционировать самостоятельно и / или не отражают сущности исходного целостного объекта» [Балашова, Кириллова 2024: 360] (ср.: *Цели [К3] не скрываются...: разрушить, сломать, уничтожить, задушить российскую экономику и Россию в целом.* 25.03.22; *Право на религию киевским режимом тоже растоптано.* 29.11.24; *[Страны НАТО Ирак] развалили. До сих пор её собирают по кускам.* 01.07.22; *НАТО внедряется в этот регион под лозунгом «Индо-Тихоокеанских стратегий», размыкая инклюзивные механизмы, десятилетиями выстраивавшиеся вокруг АСЕАН.* 31.10.24).

Достаточно показательным в концептуальном отношении оказывается ситуативный аспект употребления таких переносов. С их помощью министр характеризует тенденцию к социальному-экономической и политической дестабилизации в мире, виновником которой является агрессивная политика «коллективного Запада» (далее К3), киевского режима, реже — участников ближневосточного конфликта (ср.: *Запад откровенно подорвал все продвигавшиеся им с такой настойчивостью принципы глобализации.* 06.11.24; *Запад его [принцип равенства государств] грубейшим образом попирает и навязывает всем свое «превосходство».* 25.03.22; *[В 2014 г. К3 и украинская оппозиция] решили «сломать» договоренность [«Минские соглашения»].* 02.11.24; *Права русскоязычного населения Украины растоптаны.* 21.10.24; Особое внимание было удалено кризису на Ближнем Востоке, *катастрофе* палестинского народа. 02.11.24; *Только не ситуация в Газе является провалом международного сообщества, но про-*

валом является и вся история выполнения резолюций ООН о создании палестинского государства. 18.07.24).

Кроме того, с помощью аналогичных переносов С. В. Лавров подчеркивает, с одной стороны, безрезультативность попыток К3 и киевского режима уничтожить Россию (в геополитическом и социально-экономическом аспектах), помешать стремлению народов к самоопределению, к многополярности, а с другой — пагубность такой политики для самих агрессоров. Утверждение же обратного трактуется министром как ложь со стороны идеологических противников РФ, как стремление выдать желаемое за действительное, что проявляется в использовании специальных лексических показателей, ирреальной модальности и т. п. (ср.: *НАТО хотело развалить РФ, а в итоге ее сплотило*. 25.04.23; *Мы достаточно быстро приспособились* [к санкциям]. Барак Обама в 2010, по-моему, году говорил, что экономика России уже лежит *разорванная в клочья*. 25.04.23; *Они [страны К3] увидели, что провалились их планы по превращению Украины в плацдарм для агрессивного, силового сдерживания России*. 22.04.22; *Запад самостоятельно разрушает* [продовольственную безопасность], заставляя своих производителей жертвовать ради украинских фермеров. 18.07.24; *Нам жаль украинцев, которые заслуживают большего. ... История этой страны [Украины] разрушается на наших глазах*. 24.07.22).

Акцент на идеологической, pragматически обусловленной составляющей описываемых ситуаций обусловливает специфику используемых лексических средств.

Во-первых, процесс формирования переносов носит системный характер. В него включаются прежде всего разнообразные (часто на уровне блоков однокоренных метафор) номинации нарушения целостности объекта в результате физического воздействия на него (удар, толчок и падение, подрыв, давление, трение, разрыв, транспортная авария), а также орудий и результата такого воздействия: *разрушить, разрушать, разрушаться, обрушить, порушить, нарушить, нарушать, нарушаться, нарушение; подорвать, подрывать, подрываться, подрыв; разорвать, разрывать; подрубить; ломать, сломать, поломать, развалить, развал; попирать, попираться, попрать; расстоптать; долбить; пустить под откос; деструктивный; таран; клочок, кусок* (ср.: *Американцы и их союзники [хотели] подорвать основу венесуэльской экономики*. 04.07.22; *Планы [США и НАТО в Юго-Восточной Азии] работают на подрыв зоны*,

свободной от оружия массового уничтожения. 27.07.24; *Этот принцип был нарушен гораздо раньше, чем Украина своими действиями обрушила свою территориальную целостность*. 21.10.24; *В качестве антироссийского тарана использует киевский режим*. 24.05.23). Кроме того, это номинации нарушения целостности объекта в результате непрочности материала, его конструкции, действия природных стихий — водных потоков, ветра, землетрясения и т. п., а также планетарных и космических катализмов: *рухнуть; провалиться, провал, обвальный; размывать, размываться; катастрофа, катастрофический; черная дыра; тектонический сдвиг* (ср.: *Всё [западная концепции глобализации] в одночасье рухнуло, когда им захотелось «наказать» Россию*. 14.11.24; *Система, созданная после Второй мировой войны и основывающаяся на центральной роли ООН, постепенно размывается*. 18.07.24; *Коалиция стран НАТО ... разбомбила страну, превратила ее [Ливию] в «черную дыру», сквозь которую вниз на Африканский континент потекли потоки бандитов и террористов*. 07.12.24).

Во-вторых, абсолютное большинство используемых С. В. Лавровым единиц характеризует каузативные ситуации (переходные глаголы, их именные и возвратные дериваты со страдательным значением), причем предпочтение отдается единицам, указывающим на полное уничтожение объекта. Тем самым министр акцентирует внимание на активности субъекта, целенаправленно уничтожающем объект как таковой. Не случайно в роли такого субъекта обычно выступают главные оппоненты и противники РФ, а в роли объекта — Россия, экономические конкуренты и политические оппоненты К3, двусторонние и многосторонние соглашения, права русскоязычного населения на Украине и т. п. (ср.: *Сколько времени им [странам НАТО] потребовалось в Ливии, чтобы развалить государство? Сейчас все за них склеивают горшки*. 18.07.24; *Каждый раз, когда украинцами и их хозяевами разрушались достигнутые договоренности, Украина теряла все больше и больше территории*. 21.10.24; *Наутро ... они [гарантии соглашения между украинским президентом и оппозицией в 2014 г.] были «расстоптаны» и разорваны*. 21.07.22).

В-третьих, хотя в исследуемом подкорпусе фиксируется достаточно большое число контекстов с генетическими и этимологическими переносами, особенно при указании на частичную деструкцию (ср.: *нарушать* — 14 вхождений, *нарушение* — 24), но преобладают все же экспрессивно маркированные

единицы. Это не только языковые полные метафоры (ср.: *ломать, развалить, растоптать, растерзание, катастрофа*), но и эмотивные этимологические переносы (ср.: *истребить* ‘полностью уничтожить’ — этимологически восходит к старославянскому варианту деструктивного глагола *теребить*). Таким образом, несмотря на институциональный характер коммуникации, министр выражает личностное отношение к описываемым ситуациям и воздействует на эмоции слушателей (ср.: *Наутро эта оппозиция «растоптала» бумагу, на которой стояли подписи министров иностранных дел Германии, Франции и Польши.* 01.07.22; *Все это [права русских и русскоязычных] сейчас перечеркнуто и отдано на растерзание* неонацистам, которые «правят бал» в Киеве. 28.03.23; *После кровавого госпереворота в 2014 г. неонацистский киевский режим начал планомерное истребление всего, что связано с Русским миром.* 02.11.24; *Упорное стремление Вашингтона монополизировать процесс арабо-израильского урегулирования обернулось катастрофическими последствиями.* 31.10.24). Не менее ярко данная тенденция проявляется в речевых, окказиональных и развернутых переносах, в идиомах на метафорической основе (ср.: *Запад делает все, чтобы «подрубить» сам смысл ее [ОБСЕ] существования.* 05.12.24; *Этого [сохранения Украины в границах 1992 г.] сейчас потребовал В. А. Зеленский, когда «поезд» не только ушёл, но и рухнул со скалы в глубокую пропасть.* 25.06.24; *Это обязательство было пущено НАТО «под откос».* 01.07.22; *Координация наших подходов особенно важна сейчас, когда в мире происходят без преувеличения «тектонические сдвиги».* 01.07.22; *Но их [русских на Украине] ломают через колено, весь народ ломают через колено, чтобы они этот язык забыли.* 04.04.24).

2.2.3. Фрагментирующая субмодель

Концептуальную основу данной субмодели составляет представление о разделении единого объекта на части одной как о прекращении функционирования социального и иного института в прежнем виде: полученные фрагменты (новые институты) функционируют в новом качестве независимо друг от друга, причем их социально-экономические, политические и идеологические установки могут быть противоположны характеристикам утраченного цельного объекта, что влечет за собой «отсутствие гармоничного взаимодействия новообразованных объектов, конфликтные отношения между ними» [Балашова, Кириллова 2024: 361].

Фрагментирующая субмодель занимает околовядерную зону в дезинтегрирующем подкорпусе, но значительно уступает описанной выше аннигиляционной субмодели как по числу единиц (16 метафор, или 23,9 %), так и по числу их вхождений (32 контекста, или 14,7 %). Кроме того, ее использование С. В. Лавровым более ограничено в ситуативном аспекте. Министр употребляет переносы этого типа исключительно при характеристике реального или гипотетического прекращения существования государства, государственного и межгосударственного объединения — в результате добровольного или вынужденного, инициированного извне дробления на несколько независимых образований: формирование суверенных государств на месте СССР; суверенизация Косово, Крыма, Донбасса; попытки К3 уничтожить путем дробления РФ, неконтролируемых К3 социально-экономических и военно-политических блоков и т. п. (ср.: [Страны К3] *собрали под ружье коалицию из порядка 50 стран, для того чтобы Россию в том числе и попытаться расчленить* 02.09.24; *США и их союзники сделали неправильный выбор после распада СССР.* 07.11.24; *При этом когда без какого-либо референдума отделялось Косово, Запад «аплодировал».* 27.07.24).

Особенности когнитивной матрицы обусловливают специфику используемых лексических средств. Это преимущественно деструктивно-процессуальные единицы, включающие в семантику исходных ЛСВ компоненты ‘разъединять / разъединяться на части, распределять / распределяться по частям’, ‘отъединить часть от целого или от того, что находилось в соединении с чем-л. / отпасть (о такой части)’ — без конкретизации структуры вещества и причины разъединения (ср.: *делить, отделяться, фрагментировать, расчленить*) или с их конкретизацией (ср.: *расколоть, разбить, оторвать*). Единичными примерами представлены номинации орудия деструкции (клин) и полученных фрагментов (часть). Обращает на себя внимание тот факт, что здесь, как и в описанной выше субмодели, предпочтение отдается каузативным глаголам и их дериватам. Таким образом, и в данном случае акцент делается на активности субъекта в достижении своей цели — деструкции объекта (ср.: *Это были встречи, где делили мир (как у нас говорят) «по понятиям». Каждый хотел отстоять как можно больше прав в рождавшихся системах. ... Но это все равно был «делёж мира».* 14.11.24; *Философия «разделяй и властвуй» активно применяется Западом и в отношении государства*

дарств бывшего СССР. Цель понятна: еще больше фрагментировать постсоветское пространство, рассорить наши страны и народы. 30.09.22; Они [украинские войска] оторвали значительную часть от каждого из этих регионов [ЛНР, ДНР]. 19.04.22; «Двадцатка» разбита ровно пополам. 25.06.24).

Вместе с тем обнаруживаются существенные отличия использования министром фрагментирующей субмодели (по сравнению с аннигиляционной). Так, большинство зафиксированных единиц относятся к генетическим и нейтральным, а не образным и экспрессивно маркированным метафорам. В семантическом аспекте это преимущественно деструктивные лексемы с обобщенным значением — без актуализации способа воздействия на объект, причины разъединения целого и т. п. Ведущая роль этого типа переносов в речи С. В. Лаврова проявляется, в частности, в том, что они часто представлены группой однокоренных единиц (ср.: делить, дележ, разделять, отделяться, фрагментировать, фрагментация, расчленить, расчленение). Экспрессивно маркированные метафоры в большей степени ориентированы на деструктивную лексику, конкретизирующую причину и способ фрагментации (ср.: расколоть, раскалывать, разбить, оторвать, вбить клин): с их помощью С. В. Лавров обычно акцентирует внимание на наиболее острых геополитических проблемах современности (ср.: Они [страны Запада] хотят работать не на то, чтобы сохранить единство всех этнополитических сил в Сирии, а на то, чтобы «оторвать» себе побольше влияния и территории. 26.12.24; Пытаются расколоть АСЕАН, перетянуть некоторые страны в свои ряды закрытых блоковых структур. 18.07.24; Невозможно вбить клин между Россией и Китаем. 15.11.24).

2.2.4. Реляционная субмодель

В когнитивной матрице этой субмодели на первый план выходит деструкция не самих объектов, а специальных артефактов, соединяющих автономные объекты (веревка, цепь и т. п.). При метафоризации это трактуется «как нарушение договоренностей между феноменами, как смена партнерских отношений на конфликтные» [Балашова, Кириллова 2024: 359]. Среди дезинтегрирующих метафор субмодель занимает периферийное положение: 5 единиц (7,4 %) в 32 контекстах (3,2 %).

В ситуативном аспекте данные метафоры характеризуют исключительно смену партнерских отношений на конфликтные, а также усиление враждебности между Россией и КЗ, Украиной, причем инициатором

такого рода изменений является исключительно КЗ и Украина. Если же в функции активного субъекта выступают РФ, другие страны и русскоязычное население Украины, то ситуация осмысливается как ирреальная (ср.: *Вдруг после сентября 2021 г. американцы прервали этот стратегический диалог. ... Мы его не разрывали*. 18.01.23; *По остальным территориям [Украины], где живут люди, которые не хотят разрывать связи с Россией, решать будет население этих областей*. 29.05.22). Лексические средства в полной мере отражают идеологический посыл министра иностранных дел РФ. Переносы фиксируются только у переходных глаголов (и одного именного деривата), именующих разделение целого на части с помощью рывка (*разорвать*, *разрывать*, *разрыв*, *прерывать*) или режущего артефакта (*обрубить*). Степень экспрессивности используемых единиц различна: наименьшая — у частичной метафоры *прерывать*, средняя — у полных языковых переносов (*разорвать*, *разрывать*, *разрыв*), наибольшая — у речевой метафоры *обрубить* (ср.: *Все контакты ... между нашими странами (Россией и Евросоюзом, Россией и НАТО, Россией и США) были разорваны в одночасье*. 21.10.24; *Запад обрубил фактически все связи с нашей страной*. 04.07.22).

Таким образом, в речи С. В. Лаврова наблюдается тенденция к системному использованию дезинтегрирующих метафор, где каждая из субмоделей акцентирует внимание на разных аспектах прежде всего агрессивных действий КЗ по отношению к России и другим суверенным государствам, а также Украины — по отношению к РФ и собственному русскоязычному населению.

2.3. Акциональная модель

Периферийная, как отмечалось (см. 2.1), акциональная модель (8 лексем, или 10,7 % всех переносов, в 17 контекстах (7,2 % всего корпуса) фрагментарно представлена двумя субмоделями (перфектной и манифестирующей), специализирующимися на характеристике разного типа ситуаций.

В **перфективной** субмодели обретение субъектом способности свободно двигаться в результате его активных действий по разрушению оболочки, внешней преграды ассоциируется с возможностью реализоваться, добиться успеха в решении сложной, долго не решаемой задачи и т. п.: 4 единицы (50 %) в 11 контекстах (64,7 %). Эта субмодель используется С. В. Лавровым в двух типах ситуаций (с позитивной или с негативной их оценкой), что непосредственно связано с выбором лексических средств ее реализации. Субстантив *прорыв* характеризует

позитивно оцениваемый результат сложных переговоров. Но лишь в одном контексте он включен в конструкцию с реальной модальностью — отношения РФ с африканскими странами (*Президент В. В. Путин назвал саммиты Россия — Африка «настоящим прорывом»*. 24.04.24). В остальных случаях, описывающих контакты России с КЗ и отражающих реальное положение вещей, употребляются конструкции с ирреальной модальностью (ср.: *Мы тоже не ждем прорыва от этой встречи* [с Э. Блинкеном]. 21.01.22; *Встреча [С. Е. Нарышкина и У. Бернса] состоялась. Было достаточно серьезно, полезно, хотя никаких прорывов она не принесла*. 18.01.23). Негативно оцениваемый результат международных переговоров (укрепление позиции КЗ в мире, националистов на Украине) именуют переносы 3 однокоренных деструктивных единиц с компонентами ‘надавливая, прилагая большие усилия, преодолевая сильное сопротивление’ (*продавить, продавливать, продавливание*). Тем самым министр делает акцент на агрессивности КЗ, украинских националистов в достижении своей цели и на возможном сопротивлении им других участников переговорного процесса (ср.: *Продавливая миссию на территории Армении..., Брюссель откровенно злоупотребляет своими отношениями с Баку и Ереваном*. 28.02.23; *Евросоюз обязан ... дать «по рукам» тем, кто продавил русофобию в Киеве*. 25.06.24; [В ЕС] взят курс на *продавливание любой ценой «плана В. А. Зеленского», имеющего ярко выраженную форму ультиматума*. 18.07.24).

В манифестирующей субмодели проникновение чего-либо (воздуха, жидкости, звуков) сквозь оболочку, замкнутое пространство из-за ветхости материала и / или неожиданно образовавшихся трещин, дыр ассоциируется с неожиданным доступом к новой, тщательно скрываемой, утаиваемой информации. Для реализации субмодели С. В. Лавров также использует 4 единицы (*прорваться, прорываться, пробиваться, прорезаться*), которые фиксируются в 6 контекстах (35,3 %). С их помощью он характеризует один тип ситуации: противники РФ (представители КЗ, киевского режима), постоянно дезинформируя мировое сообщество, неожиданно, часто вопреки своей воле (случайно, из-за эмоционального напряжения и т. п.) сообщают правдивую и важную информацию об истинном положении вещей, о своих целях, об отношении к тем или иным процессам и т. п. (ср.: *У них [руководителей НАТО] иногда прорывается по Фрейду признание в том, что, как Боррель не-*

давно сказал, Европа — это цветущий сад, а все остальное — джунгли. 13.07.23; *В Евросоюзе «прорываются» публичные заявления о том, что [США] их дискриминируют*. 18.01.23).

2.4. Выводы

Итак, комплексный анализ речи С. В. Лаврова в 2022–2024 гг. показал, что употребление им деструктивных метафор носит продуктивный, системный и функционально обусловленный характер. С их помощью министр прежде всего акцентирует внимание на наиболее острых, опасных и потому негативно оцениваемых процессах в современных международных отношениях.

В ситуативном аспекте данные переносы фиксируются почти исключительно при характеристике агрессивной и дестабилизирующей деятельности противников и оппонентов России (США и их союзников, Украины, отчасти Израиля) против РФ, других суверенных государств и международных институтов. Это обуславливает востребованность преимущественно дезинтегрирующей модели, а также преобладание ирреальной модальности при использовании акциональной модели.

Обращает на себя внимание разнообразие метафорических единиц, среди которых представлены не только языковые образные, генетические, частичные переносы, но и речевые метафоры. Последние наиболее ярко отражают личностное негативное отношение С. В. Лаврова к процессам, направленным на ослабление РФ и дестабилизацию политической обстановки в мире.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ардаева, Н. В. Дипломатический и политический дискурс. Латинская Америка / Н. В. Ардаева. — Текст : непосредственный // Власть. — 2018. — Т. 26. — № 5. — С. 114–117.
2. Балашова, Л. В. «Дипломатичное» и «недипломатичное» в жанрах дипломатического дискурса: на материале метафор в текстах пресс-конференции и интервью Министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова, посвященных военной спецоперации на Украине / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Жанры речи. — 2022а. — Т. 17, вып. 4 (36). — С. 272–284. — DOI: 10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-272-284, EDN: HFBMYH.
3. Балашова, Л. В. Горизонтальная модель пространственной метафоры в медийном образе России (жанры аналитического обзора и экспертного мнения) / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Quaestio Rossica. — 2017. — Т. 5. — № 4. — С. 1178–1196.
4. Балашова, Л. В. Идеологема «коллективный Запад» сквозь призму антропоморфной метафоры (на материале выступлений С. В. Лаврова после начала специальной военной операции 24.02.2022) / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022б. — № 5. — С. 24–39. — DOI 10.26170/1999-2629_2022_05_02.
5. Балашова, Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв. / Л. В. Балашова. — Москва : Рукописные памятники Древней Руси : Знак, 2014. — 632 с. — Текст : непосредственный.
6. Балашова, Л. В. Эмотивная метафорика в жанрах дипломатического дискурса: динамический аспект (на материа-

ле текстов пресс-конференций и интервью министра иностранных дел С. В. Лаврова 2023 года) / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Жанры речи. — 2023. — Т. 18, вып. 4 (40). — С. 337–348. — DOI: 10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-337-348, EDN: VDURBA.

7. Балашова, Л. В. Русские речевые жанры / Л. В. Балашова, В. В. Дементьев. — Москва : Издательский Дом ЯСК, 2022. — 832 с. — Текст : непосредственный.

8. Бударина, А. А. Политический дискурс С. В. Лаврова / А. А. Бударина. — Текст : непосредственный // Филологические открытия. — Владивосток : Изд-во ДВФУ, 2019. — С. 195–198.

9. Гизатуллин, Д. Э. Опыт аналитического толкования лексем *рушить, рушиться, рухнуть, обрушить, обрушиться* / Д. Э. Гизатуллин. — Текст : непосредственный // Языковые единицы в свете современных научных парадигм. — Уфа : Изд-во Башкирского государственного университета, 2018. — С. 330–335.

10. Игнатьева, Т. В. Языковые средства реализации межкультурного взаимодействия и оценки политической конфронтации (на материале российского дипломатического дискурса) / Т. В. Игнатьева. — Текст : непосредственный // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. — 2023. — № 4 (81). — С. 118–126. — DOI: 10.37724/RSU.2023.81.4.012.

11. Кириллова, К. И. Роль деструктивной метафоры в формировании современной политической картины мира (на материале идеологемы США в российских газетных мас-медиа) / К. И. Кириллова. — Текст : непосредственный // Русский язык и ценностные ориентиры современного мира. — Пермь : Изд-во ПГУ, 2024. — С. 271–280.

12. Ковязина, М. А. Концептуальные метафоры в британском медиадискурсе 2014–2023 гг.: корпусное исследование / М. А. Ковязина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 2 (104). — С. 94–104.

13. Красакова, А. В. Языковая игра в политическом дискурсе в речи С. В. Лаврова / А. В. Красакова. — Текст : непосредственный // Вестник филологических наук. — 2024. — Т. 4. — № 2. — С. 157–163.

14. Нечкина, М. В. Метафоры войны и природы как средство концептуализации миграции в СМИ ФРГ / М. В. Нечкина. — Текст : непосредственный // Ученые записки Нижнетагильского государственного социально-педагогического института. Серия: История и филология. — 2024. — № 1. — С. 81–95.

15. Терентий, Л. М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации / Л. М. Терентий. — Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2010. — № 1 (022). — С. 47–56.

16. Хосьмукова, Н. Ф. Метафорический тип значения глаголов разрушения в русском языке XI–XVII вв. / Н. Ф. Хосьмукова. — Текст : непосредственный // Филология. — 2016. — № 5 (5). — С. 81–83.

17. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2012. — № 2 (40). — С. 53–59.

18. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 256 с. — Текст : непосредственный.

19. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : Гнозис, 2004. — 324 с. — Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Ardaeva, N.V. (2018). Diplomaticheskiy i politicheskiy diskurs. Latinskaya Amerika [Diplomatic and political discourse. Latin America]. *Vlast'* [Power], 26(5), 114–117. (In Russ.)

2. Balashova, L.V. (2022). “Diplomatic” and “undiplomatic” in the genres of diplomatic discourse: based on metaphors of Russian foreign Minister Sergey Lavrov used during press conferences and interviews on the special military operation in Ukraine. *Speech Genres*, 17 (No. 4(36)), 272–284. (In Russ.). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-272-284>

3. Balashova, L.V. (2017). Gorizonta'l'naya model' prostranstvennoy metafory v mediynom obrazе Rossii (zhanry analiticheskogo obzora i ekspertnogo mneniya) [The horizontal

model of spatial metaphor in the media image of Russia (genres of analytical review and expert opinion)]. *Quaestio Rossica*, 5(4), 1178–1196.

4. Balashova, L.V. (2022b). Ideologema «kollektivnyy Zapad» skvoz' prizmu antropomorfnoy metafory (na materiale vystupleniy S. V. Lavrova posle nachala spetsial'noy voyennoy operatsii 24.02.2022) [The ideologeme "collective West" through the prism of anthropomorphic metaphor (based on the speeches of S. V. Lavrov after the start of the special military operation on February 24, 2022)]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 5, 24–39. DOI 10.26170/1999-2629_2022_05_02 (In Russ.)

5. Balashova, L.V. (2014). *Russkaya metaforicheskaya sistema v razvitiu: XI–XXI vv.* [Russian metaphorical system in development: XI–XXI centuries]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 632 p. (Studia Philologica). (In Russ.)

6. Balashova, L.V. (2023). Emotivnaya metaforika v zhanrakh diplomaticeskogo diskursa: dinamicheskiy aspekt (na materiale tekstov press-konferentsiy i interv'yu ministra inostrannykh del S. V. Lavrova 2023 goda) [Emotive metaphors in the genres of diplomatic discourse: a dynamic aspect (based on the texts of press conferences and interviews of Foreign Minister S. V. Lavrov in 2023)]. *Speech genres*, 18 (Iss. 4(40)), 337–348. DOI: 10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-337-348, EDN: VDURBA (In Russ.)

7. Balashova, L.V., & Dementyev, V.V. (2022). *Russkie rechevye zhanry* [Russian Speech Genres]. Moscow: LRC Publishing House, 831 p. (in Russ.)

8. Budarina, A.A. (2019). Politicheskiy diskurs S.V. Lavrova [Political discourse of S. V. Lavrov]. In *Filologicheskiye otkrytiya* [Philological discoveries] (pp. 195–198). Vladivostok: FEFU Publishing House. (In Russ.)

9. Gizatullin, D.E. (2018). Opyt analiticheskogo tolkovaniya leksem *rushit', rushit'sya, rukhnut', obrushit', obrushit'sya* [Experience of analytical interpretation of the lexemes to *rushit'*, *rushit'sya*, *rukhnut'*, *obrushit'*, *obrushit'sya*]. In *Yazykovyye yedinitsy v svete sovremennykh nauchnykh paradigm* [Language units in the light of modern scientific paradigms] (pp. 330–335). Ufa: Publishing house of Bashkir State University. (In Russ.)

10. Ignatyeva, T.V. (2023). *Yazykovyye sredstva realizatsii mezhkul'turnogo vzaimodeystviya i otsenki politicheskoy konfrontatsii* (na materiale rossiyskogo diplomaticeskogo diskursa) [Language Means of Implementing Intercultural Interaction and Assessing Political Confrontation (Based on Russian Diplomatic Discourse)]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Yesenina* [Bulletin of the Ryazan State University named after S. A. Yesenin], 4(81), 118–126. DOI: 10.37724/RSU.2023.81.4.012 (In Russ.)

11. Kirillova, K.I. (2024). Rol' destruktivnoy metafory v formirovaniy sovremennoy politicheskoy kartiny mira (na materiale ideologem SSHA v rossiyskikh gazetnykh massmedia) [The Role of Destructive Metaphor in the Formation of a Modern Political World View (Based on the Material of Russian Mass Media)]. In N.V. Danilevskaya (Ed.), *Russkiy yazyk i tsemnostnyye oriyentiry sovremennoy mira* [Russian Language and Value Orientations of the Modern World] (Collection of Materials from the International Scientific and Practical Conference (PSNU, February 2–3, 2024), pp. 271–280). Perm: PSU. (In Russ.)

12. Kovyazina, M.A. (2024). Kontseptual'nyye metafory v britanskem mediadiskurse 2014–2023 gg.: korpusnoye issledovaniye [Conceptual metaphors in the British media discourse 2014–2023: a corpus study]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2(104), 94–104. (In Russ.)

13. Krasakova, A.V. (2024). *Yazykovaya igra v politicheskem diskurse v rechi S.V. Lavrova* [Language play in political discourse in the speech of S.V. Lavrov]. *Vestnik filologicheskikh nauk* [Bulletin of Philological Sciences], 4(2), 157–163. (In Russ.)

14. Nechkin, M.V. (2024). *Metafory voyny i prirody kak sredstvo kontseptualizatsii migrantsii v SMI FRG* [Metaphors of war and nature as a means of conceptualizing migration in the media of the Federal Republic of Germany]. *Uchenyye zapiski NTGSPi. Seriya: Istorija i filologiya* [Scientific notes of NTGSPi. Series: History and philology], 1, 81–95. (In Russ.)

15. Terentiy, L.M. (2010). *Diplomaticeskiy diskurs kak oso-baya forma politicheskoy kommunikatsii* [Diplomatic discourse as a special form of political communication]. *Voprosy*

- kognitivnoy lingvistiki* [Issues of cognitive linguistics], 1(022), 47–56. (In Russ.)
16. Khosmukova, N.F. (2016). Metaforicheskiy tip znacheniya glagolov razrusheniya v russkom yazyke XI–XVII vv. [Metaphorical type of meaning of verbs of destruction in the Russian language of the 11th–17th centuries]. *Filologiya* [Philology], 5(5), 81–83. (In Russ.)
17. Chudinov, A.P. (2012). Diskursivnyye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii [Discursive characteristics of political communication]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2(40), 53–59. (In Russ.)
18. Chudinov, A.P. (2006). *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. Moscow: Flinta: Nauka, 254 p. (In Russ.)
19. Shegal, E.I. (2004). Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis, 326 p. (In Russ.)